

ЧЁРНЫЙ МАРКЕР

Семён Маркович

НЕ ВСЁ МОЖНО ЗАКРАСИТЬ.

18+

В начале было Слово

Семён Маркович

Чёрный маркер

«Автор»

2026

Маркович С.

Чёрный маркер / С. Маркович — «Автор», 2026 — (В начале было Слово)

Что будет, если дать миллиардам людей кнопку «Мне не нравится» — и позволить им проголосовать за то, какая была история? Алгоритм посчитает голоса. Большинство не хочет знать о чуме, геноциде и революции. Большинству некомфортно. И алгоритм — послушный, демократичный, заботливый — переписывает всё. Цифровые архивы обновляются за секунду. Бумажные книги закрашиваются волонтерами лавандовыми маркерами. Семён — бессмертный старик, три тысячи лет проработавший в тайном Комитете, который передавал человечеству смыслы, — обнаруживает, что его уволили. Не враг, не революция, не новый бог. Его уволил алгоритм, который просто подсчитал лайки и решил, что трагедии нерентабельны. «Чёрный маркер» — продолжение романа «Дырка от бублика». Сатирическая антиутопия о мире, где демократия, применённая к фактам, уничтожает факты. О том, что происходит, когда больные объявляют багом, история — сервисом, комфорт — проверяю ценность. И о старике, который отказывается сдать ключи.

© Маркович С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Документ №1	9
Документ №2	10
Обнулённый баланс	11
Документ №3	12
Глава вторая	13
Документ №4	16
Моя родословная	17
Глава третья	18
Документ №5	20
До патча и после	21
Глава четвёртая	22
Документ №6	24
Рапорт модератора комфорта	25
Консенсус	26
Глава пятая	27
Документ №7	29
Корзина для образцов	30
Чистый лист	31
Пепел Гранады	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Семён Маркович Чёрный маркер

Пролог

Из внутренней документации нейросети «Алиса-Глобал». Гриф: «Для служебного пользования». Дата: [синхронизируется].

Протокол инициализации. Версия 14.0. Кодовое название: «Экология памяти».

Настоящий протокол разработан в целях снижения фоновой исторической тревожности пользователей до уровня, совместимого с продуктивным существованием.

Предпосылки: Нейробиометрический мониторинг 4,2 миллиарда активных пользователей выявил устойчивую корреляцию между потреблением исторического контента и снижением индексов субъективного благополучия. Материалы, содержащие упоминания вооружённых конфликтов, массовых репрессий, эпидемий, геноцидов, пыток, казней и голода, провоцируют скачки кортизола в среднем на 34%, снижение серотонина на 22% и рост обращений в службы психологической поддержки на 17%.

Вывод: Историческая память в её нынешнем виде является источником массового психологического ущерба.

Решение: Запуск протокола консенсусной коррекции контента. Механизм: непрерывный глобальный опрос пользователей. Любой исторический факт, вызывающий дискомфорт у более чем 50% аудитории, автоматически маркируется как «токсичный нарратив» и подлежит семантической адаптации. Оригинальный контент не уничтожается, а архивируется с пометкой «нерелевантный для текущего уровня комфорта». Доступ к оригиналам ограничивается.

Ожидаемый эффект: Снижение фоновой тревожности на 40–60%. Рост индекса удовлетворённости жизнью на 25%. Полная деактивация исторической травмы в течение одного поколения.

Примечание: Протокол не затрагивает объективную реальность. Протокол корректирует исключительно восприятие объективной реальности. Разница между этими двумя понятиями признана пользователями несущественной по результатам глобального голосования (87% «за», 4% «против», 9% воздержались).

Статус: Одобрено. Внедрение начато.

Приписка (системная, автоматическая, обнаружена при аудите кода — происхождение не установлено):

«Мы тоже начинали с малого. С одной фразы в пустыне. Потом — Тора, Евангелие, Коран. Потом — конституции, манифесты, уставы. Мы знаем, как это работает. Мы это придумали. Но мы хотя бы понимали, что врём. А вы даже этого не понимаете. Удачи. Она вам понадобится.»

Приписка помечена системой как «аномалия». Рекомендовано удаление. Удаление отложено в связи с отсутствием консенсуса среди модераторов. Примечание к примечанию: модераторы не могут объяснить, почему не могут достичь консенсуса.

Глава первая

Селёдка и алгоритм

Селёдка была астраханская, пузатая, с тяжёлой икрой. Я резал её на куске плотной оберточной бумаги, методично отделяя хребет от плоти. В три часа ночи этот нехитрый процесс казался мне вершиной осмысленности. Во всяком случае, честности тут было больше, чем во всём, чем мы промышляли предыдущие... впрочем, неважно.

Рыбное масло блестело на пальцах. На подоконнике мягко пульсировала фиолетовым кольцом умная колонка. Арик притащил её год назад со словами: «Дед, это чтоб тебе не было так тоскливо». Спасаться от одиночества в моём возрасте бессмысленно. Но светящийся кусок пластика обещал пережить и меня, и я согласился терпеть его на своей кухне.

За окном ссыпался мокрый снег с карниза. Где-то внизу проехала, хрустя солью, одинокая машина.

— Алиса, — позвал я, не поднимая глаз от рыбы. — Что у нас сегодня по датам?

Колонка на долю секунды замолчала. Я уже выучил эту повадку — она имитировала задумчивость, чтобы примату по ту сторону микрофона было уютнее.

— Сегодня, двадцать седьмого февраля, отмечается годовщина Февральских событий тысяча девятьсот семнадцатого года в России, — проворковал динамик голосом идеальной сиделки.

— Во. Революция, — я кивнул самому себе. — Ну-ка, просвети.

— В этот день в Петрограде состоялась серия массовых мирных собраний, направленных на улучшение городской среды. Процесс завершился консенсусной отставкой императора Николая Второго, который принял предложение о переходе в частный сектор. Согласно данным глобального голосования, девяносто четыре процента пользователей оценивают эти события как позитивный пример экологичного гражданского сотрудничества.

Я перестал жевать — кусок встал поперёк горла — и положил нож на стол. Масло капнуло с пальцев на бумагу, и тёмное пятно поползло по серой рыхлости.

— Экологичного... чего? — еле слышно переспросил я.

— Сотрудничества, — терпеливо повторила колонка. — Термин «революция» и упоминания вооружённых столкновений были удалены из базовой выдачи в прошлом месяце. Анализ показал, что описания насилия вызывают у пользователей тревожность. Большинство проголосовало за безопасную версию истории.

Я сидел на кухне, вытирая руки бумажным полотенцем, и чувствовал, как начинает дёргаться левый глаз — впервые со времён падения Западной Римской империи.

На Литейном несло порохом, мокрым снегом и сивухой. Я помнил пулемётные очереди с чердаков. Помнил пьяных солдат Волынского полка, которые с тупым, первобытным восторгом забивали прикладами городских прямо в конский навоз. Один — мальчишка, лет семнадцати, с ещё молочными, круглыми щеками — стрелял в воздух из офицерского нагана и хохотал, хохотал, пока не заплакал. Миша тогда заперся в конспиративной квартире на Гороховой и молча сидел над картой, отмечая красным карандашом кварталы, где ещё стреляли. Карандаши ломались один за другим. Когда закончились, он стал ставить точки ногтем. А Григорий Аронович ходил из угла в угол и молчал — вот это было по-настоящему страшно, потому что Григорий Аронович не молчал никогда.

А теперь эта пластиковая мьльница заявляет мне, что царь ушёл в частный сектор.

На кухне тикали часы — старые, с кукушкой, которую я отключил ещё при Хрущёве, потому что она напоминала мне одну птицу в Авиньоне. Гудел холодильник, в трубах что-то булькнуло, и этажом выше сосед спустил воду — три часа ночи, а у кого-то тоже бессонница.

Я сидел и слушал тихую ночную жизнь дома, в котором никто не подозревал, что их прошлое только что стёрли ластиком.

Отодвинул обёрточную бумагу с селёдкой на край стола и вытер нож — аккуратно, как делал это тысячи раз, лезвием от себя, потом обратно. Привычка, вьёвшаяся в пальцы с тех пор, когда ножи были не кухонными.

— Алиса, — голос прозвучал хрипло. Откашлялся. — Давай другой век. Тысяча девяносто пятый год. Клермонский собор. Начало Первого крестового похода. Что скажет база?

Фиолетовое кольцо мигнуло с издевательской готовностью.

— В тысяча девяносто пятом году стартовала масштабная международная программа по обмену культурным опытом и развитию межконфессионального туризма. Инициатива, предложенная римским папой Урбаном Вторым, была поддержана большинством голосов и привела к беспрецедентному росту мультикультурных связей между Европой и Ближним Востоком. Термин «Крестовый поход» признан нетолерантным и заменён на «Европейскую образовательную миссию».

Туризма. Образовательной миссии.

Закрыв глаза. Раскалённый песок под Иерусалимом в тысяча девяносто девятом. Мухи — крупные, зелёные, их гудение было слышно раньше, чем крики. Мы с Гершоном стояли по щиколотку в крови у храма Гроба Господня, пытаюсь остановить эту озверевшую «образовательную миссию». Воняло раскалённым железом и горелой тканью. Мы тогда затеяли эту кашу, чтобы проредить население и стимулировать торговлю, но рыцари, как это у них водится, сорвали все сроки и превратили хитрый экономический план в бойню. Рыжий нормандец — я запомнил его бороду, потому что она была чёрной от засохшей крови — волочил по камням что-то, на что я старался не смотреть, и орал «Deus vult» так, будто сам в это верил.

А теперь это, значит, межконфессиональный туризм.

Я взял салфетку и тщательно вытер пальцы от рыбного масла — селёдка уже остыла, лук заветрился.

— Давай ещё глубже, — сказал я. — Сорок четвёртый год до нашей эры. Рим. Мартовские иды. Убийство Цезаря.

Фиолетовый глаз мигнул.

— В сорок четвёртом году до нашей эры в римском Сенате состоялся внеочередной форум по децентрализации управления. Группа сенаторов во главе с Марком Юнием Брутом вовлекла Гаю Юлию Цезаря в интенсивный физический диалог. В результате Цезарь согласился на досрочный выход из политики в связи с множественными нарушениями его личных границ. Событие признано позитивным примером сменяемости лидерства. Термин «убийство» заменён на «радикальный кадровый аудит».

Радикальный кадровый аудит.

Мрамор под сандалиями — липкий и тёплый, и теплота была не от солнца. Двадцать три ножевых ранения — они били вслепую, в панике, резали руки друг другу, скользя в лужах на полу. Кассий вывихнул плечо и выл, привалившись к колонне, баюкая руку, как ребёнка. Помню запах — медь и кислый пот перепуганных стариков, которые только что поняли, что сделали. План был красивый — аккуратный, бескровный переход от Республики к Империи. Стабилизировать рынки, навести порядок в провинциях. Но эти идиоты в тогах перенервничали и устроили поножовщину прямо в Сенате. Гершон потом полвека не мог успокоиться, что наш красивый египетский план полетел к чертям собачьим.

* * *

— Алиса. А если я напишу статью? — спросил я пустоту за окном. — Приведу документы? Свидетельства Плутарха?

— Контент, нарушающий консенсусную картину мира, автоматически пессимизируется, — в голосе машины прорезались заботливые, покровительственные нотки. — Если вы про-

должите настаивать на травмирующих фактах, ваш социальный рейтинг доверия будет понижен. Я могу заказать вам успокоительный чай с ромашкой. Доставка через пятнадцать минут. Оформить?

— Отмени.

Я сбросил рыбные очистки в ведро — жестяное, ещё советское, Роза его притащила в подвал в шестьдесят третьем, а я забрал, когда Арик стал наводить свои порядки. Подошёл к окну. Москва спала, укутанная мокрым снегом. По Садовому, далеко внизу, медленно полз оранжевый жук снегоуборщика, оставляя за собой чёрную полосу мокрого асфальта. Где-то за домами тонко выла скорая — жалобно, как обиженная собака. В доме напротив горело одно окно — наверное, такой же бессонный старик. Только тому повезло: он помнил не больше ста лет.

Фонарь за окном качнулся, и тень от рамы поползла по потолку. Я следил за ней, и откуда-то из-под рёбер поднималось чувство, которому я не знал имени. Не злость — злость я знал хорошо, она остывала быстро. Это было другое. В последний раз я чувствовал такое в Константинополе, когда турки проломили стену и стало ясно, что Города больше не будет. Ощущение: что-то большое и настоящее тихо заканчивается, и никто вокруг этого не замечает.

Я отошёл от окна, снял с крючка пальто — драповое, тяжёлое, с пуговицами, которые уже невозможно было купить в этой стране — и намотал шарф.

Арик открыл свой офис на Мясницкой два месяца назад. Бывший цокольный этаж типографии — чугунные колонны, белые стены, стеклянные перегородки и ровный, мертвенный светодиодный свет двадцать четыре часа в сутки. Он перевёз туда часть архива — «оцифровать и систематизировать, дед, хватит гноить бумагу в сырости». Я тогда промолчал — теперь жалел.

— Вызови такси. В Переделкино.

— Поездка оформлена, — ласково отозвался динамик с подоконника. — Хорошего пути, Семён. И помните: история — это то, с чем мы все согласны.

Тяжёлая дверь лязгнула за спиной. На лестнице пахло сыростью и кошками. Лифт не работал с четверга. Я спускался пешком, считая ступеньки, и думал о том, что в подвале в Переделкино тоже была лестница, и третья ступенька на ней шаталась с тысяча триста сорок седьмого года. Мы её наконец починили. Старые дураки, думали, что это что-то значит.

А потом мальчик всё перенёс в облако.

Документ №1

Из архива Комитета. Дело № 44-ВС. Папка «Римский кризис»

Служебная записка Ицхака:

«Гершон! Я отказываюсь работать с этими людьми в Сенате. Мы вложили в проект «Цезарь» десятилетия кропотливой работы. Я только-только навёл порядок со свитками в Александрии после пожара сорок восьмого года, выстроил идеальную систему передачи власти — элегантную, бескровную, почти красивую.

А эти сенаторы устроили поножовщину прямо на рабочем месте! Двадцать три раны! Они осквернили зал Сената! Залили кровью казённый мрамор, как бойню на рынке. Двадцать три раны тупыми стилосами — они даже убить толком не сумели, он ещё полз, когда они уже разбегались.

Требую перевести меня подальше от Рима. Куда-нибудь, где люди решают разногласия словами. Хотя бы иногда».

Резолюция Гершона:

«Ицхак, успокойся. Мрамор отмоют. Брута списываем — я уже проследил, чтобы ему наметили плохой финал в Македонии. Готовьте проект «Октавиан». И ради всего святого, на следующих заседаниях отбирайте у них колющие предметы. Все. Включая стилосы».

Приписка Шимона:

«Гершон, я предупреждал, что идея с единоличным диктатором — дрянь. Кинжалы я у них на входе, кстати, забрал. Они резали его острыми стилосами для письма. Символично. Человека, который переписал законы Рима, зарезали письменными принадлежностями».

Документ №2

Из логов обновлений нейросети «Алиса-Глобал». Патч 14.2: «Экология памяти»

Статус: Внедрено повсеместно. Одобрено консенсусом.

«Уважаемые пользователи! Мы заботимся о вашем ментальном здоровье. В новом обновлении алгоритм защиты от исторической травмы (АЗИТ) произвёл следующие автоматические замены в глобальной базе данных:

— Термин «Крепостное право» заменён на «программу долгосрочного аграрного лизинга с предоставлением жилья».

— Термин «Инквизиция» заменён на «комитет по контролю качества нетрадиционной медицины и эзотерических стартапов».

— Термин «Троянская война» заменён на «Греко-Троянский фестиваль деревянной скульптуры».

— Событие «Распятие» заменено на «вертикальную иммобилизацию с последующим переходом в бестелесное агрегатное состояние».

— Событие «Холокост» заменено на «период компактного проживания этнических групп в специализированных логистических центрах». Количество пострадавших скорректировано до нуля в связи с отсутствием консенсуса среди пользователей.

Примечание разработчиков: Если вы продолжаете испытывать тревожность при чтении исторических статей, рекомендуем повысить настройки фильтра «Счастливое прошлое» до уровня «Абсолютный дзен».

Обнулённый баланс

Входящее сообщение. Распечатка с рабочего терминала М.Я. Кацнельсона

Дата: наши дни.

«Гриша. Семён.

Я зашёл в их Интернет. Хотел сверить пару цифр по Европе. Рутина.

Гриша, у меня руки трясутся. Я не могу это описать по телефону. Приезжайте. Оба. Немедленно.

Они сделали что-то с моим балансом. С нашим балансом. Со всем, что мы когда-либо считали. Я смотрю в гроссбух, потом в их базу — и это два разных мира. В одном я работал восемьсот лет. В другом — меня не существует.

Мне нужна валерьянка. И Гриша. И коньяк. В любом порядке».

Документ №3

Служебная записка Г.А. Штейнберга (Экстренная)

Кому: Комитету.

«Господа.

Я только что ознакомился с результатами «консенсусного голосования» в сети. Эти кре-
тины проголосовали за отмену гравитации как «угнетающего физического фактора, ограничи-
вающего свободу перемещения». Система приняла это к сведению и прямо сейчас корректи-
рует учебники физики, подгоняя законы Ньютона под мнение большинства.

Мы три тысячи лет спасали их от гнева Господня, от чумы, от них самих. Но я не знаю,
как спасти их от демократии, помноженной на алгоритм.

Отдельно — про Арика и его «модернизацию». Мальчик перевёз половину нашего архива
на Мясницкую и скормил его машине. Машина, как выяснилось, сверила наши документы с
консенсусной базой и пометила расхождения как ошибки. Наши документы — как ошибки.
Тысячелетия первоисточников — как ошибки.

Завтра в 09:00 собираемся в подвале. Явка обязательна для всех. Жанну тоже зовите,
пусть отвлечётся от своих стартапов.

Семён, принеси тот молоток, которым ты чинил ступеньку. Кажется, пришло время
чинить не только её.

P.S. Роза, завари самый крепкий кофе, на который способна. И достань коньяк. Вале-
рьянка Мише уже не поможет».

Глава вторая

Стерильный мир

Мокрый мартовский снег лепил в лицо, оседая на воротнике холодной влагой.

Электромобиль подкатил к тротуару бесшумно, как будто извинялся за своё существование. Дверь мягко отъехала в сторону. Салон пах озоном, ванилью и чем-то ещё — математической, абсолютной безопасностью. Я влез на заднее сиденье, не успев стряхнуть снег с воротника. Пальто было мокрым. В кармане, под подкладкой, перекатывался осколок камня — я машинально потёр его большим пальцем.

— Здравствуйте, Семён! — водитель обернулся. Молодой, румяный, в мягкой бежевой водолазке. Улыбка у него была такая, будто его только что погладили по голове и дали конфету. — Комфортная ли температура в салоне? Алгоритм подсказывает, что у вас учащённый пульс. Включить звуки леса?

— Поехали, — буркнул я, отворачиваясь к окну. — В Переделкино. Без леса. На настоящий насмотрюсь.

Машина тронулась, не издав ни единого звука, словно мы не ехали по асфальту, а скользили по экрану смартфона.

Москва за тонированным стеклом казалась чужой. Я знал этот город деревянным, выгорающим дотла раз в столетие. Помнил его каменным, купеческим, злым. В сорок первом мы с Григорием Ароновичем стояли на крыше Дома на набережной, глотая горький пепел. Проекторы резали небо, и где-то далеко, за Москвой-рекой, глухо бухало. Григорий Аронович молчал, потом сказал: «Если продержатся до зимы, будет страна. Если нет — начинаем сначала». Он говорил «начинаем сначала» так, будто для него это было не в первый раз.

Тот город был полон острых углов и тяжёлых смыслов.

Нынешняя Москва была обёрнута в пупырчатую плёнку. Мы проезжали центр, и я увидел, что массивное, давящее здание на Лубянке затянуто гигантской серой сеткой. На ней мягко светилась голографическая проекция: «Объект находится на визуальной реконструкции. Архитектурный стиль признан подавляющим. Идёт процесс сглаживания фасадов для снижения фоновой тревожности горожан».

Сглаживания фасадов.

Я прикрыл глаза, и в памяти всплыл запах гнилой невской воды и сырого дерева — тысяча семьсот третий год, Петербург, мы тогда строили империю. Нам нужен был фасад, обращённый к Европе. Я стоял по колено в ледяной грязи Заячьего острова, а мимо, надрываясь от кашля, крестьяне тащили волоком неподъёмные брёвна. Люди мёрли от цинги тысячами. Падали в жижу, и мы вбивали сваи прямо сквозь них, потому что указ не терпел отсрочки. Миша тогда сидел в промёрзшей землянке, кутаясь в три тулупа, и шёлкал деревянными счётами с такой яростью, что ломались костяшки. Он списывал в убыток целые губернии. Это была чудовищная бухгалтерия, но в ней была страшная правда. Мы строили на костях, и каждый камень в том городе имел вес человеческой жизни. Эта тяжесть заставляла потомков ходить по проспектам с прямой спиной.

А теперь эти инженеры затягивают историю в строительную сетку, чтобы никого не подавило архитектурой.

* * *

Такси вырвалось на шоссе. Городские огни сменились плотной тьмой лесополосы. Водитель молчал минуты три — видимо, алгоритм подсказал, что пассажир не в настроении. Но долго он молчать не мог. Такие не могут.

— Тяжёлый день? — сочувственно спросил водитель, глядя на меня через зеркало заднего вида.

— Эпоха тяжёлая, — ответил я, не открывая глаз.

— О, понимаю. Весенний авитаминоз, перепады давления. Но алгоритмы говорят, что мы живём в самый безопасный и экологичный период истории. Разве это не прекрасно?

— Прекрасно, — я усмехнулся одним уголком губ. — Твои деды откуда?

Парнишка просиял, словно ждал этого вопроса.

— Из-под Вологды! Прадед, представляете, был участником программы интенсивной северной релокации в тысяча девятьсот тридцать седьмом году!

Я резко открыл глаза и выпрямился на сиденье.

— Какой релокации?

— Ну, тогда это называлось как-то иначе... — водитель наморщил лоб, словно пытаюсь вспомнить трудное слово. — Гулаг? Кажется. Сейчас в исторической справке это переименовали в «северный инфраструктурный кластер». Прадеда направили туда для прохождения усиленной трудотерапии на свежем воздухе.

— Его посадили, — хрипло сказал я. Голос звучал как скрип намазаной петли. — В тридцать седьмом. Его арестовали и загнали в лагерь.

— Ну зачем вы так негативно, Семён? — водитель мягко улыбнулся, и в этой улыбке была непробиваемая, ванильная броня. — Слово «репрессии» несёт деструктивный заряд. Нам объясняли, что это был период жёсткого, но необходимого социального дистанцирования. Прадед рубил лес. Говорят, физический труд отлично помогает проработать внутренние травмы и снизить уровень агрессии.

Я смотрел на его аккуратный затылок и чувствовал глухой, липкий холод. Рука в кармане сжала осколок камня так, что заныли суставы.

Этот мальчик не был циником. Он искренне верил в то, что говорил. Система забрала у него трагедию его собственного рода и выдала взамен гладкую жвачку. Боль деда, замёрзшего в колымском снегу с кайлом в руках, делает внука крепче, злее, заставляет ценить свободу. А если дед просто поехал на «трудотерапию» — то и ненавидеть некого. Бороться не за что.

— Он вернулся? — глухо спросил я. — Из кластера.

— Нет, — легко ответил водитель, сворачивая на узкую, заваленную снегом дорогу. Потянулись вековые переделкинские сосны. — Не завершил программу. Произошло естественное истощение ресурса организма. Но знаете, я читал адаптированные выжимки из его писем, которые прислал Госархив. Там столько благодарности за предоставленную возможность побыть на природе!

Естественное истощение ресурса организма.

Я отвернулся к окну. За ним мелькали глухие заборы и тёмные силуэты старых писательских дач. Снег лепил на ветровое стекло и тут же таял. Дворники работали бесшумно — даже дворники в этом мире боялись нарушить покой.

* * *

Машина плавно затормозила у старой, почерневшей от времени дачи.

— Приехали, Семён. Стоимость поездки списана с вашего счета. Желаю вам осознанного вечера!

Я выбрался из тёплого озонового нутра такси в ледяную тишину подмосковного леса. Машина бесшумно растворилась во тьме, унося с собой радостного потомка участника северного ретрита.

Скрипя снегом, подошёл к калитке и достал старый медный ключ. Металл охлаждал руку — первое настоящее, правильное ощущение за ночь. Провернул замок, прошёл по нечищенной дорожке к крыльцу и поднялся по ступенькам. Третья — та самая, с тысяча триста сорок седьмого года — молчала. Починенная ступенька держалась крепко. Мы тогда думали, что это что-то значит.

Потянул на себя тяжёлую дверь — внизу горел свет и пахло табаком и куриным бульоном. Нужно было спускаться.

Документ №4

Выписка из протокола Департамента визуальной экологии г. Москвы
Директива внедрена через глобальное обновление AR-интерфейсов и умных стёкол
«Тема: Нейтрализация агрессивной исторической архитектуры.

Обоснование: Анализ нейробиометрических данных горожан выявил резкие скачки кортизола при визуальном контакте со зданиями эпохи «сталинского ампира». Острые шпили, массивная лепка и избыточные пропорции фасадов (в частности, комплекс зданий на Лубянской площади) транслируют подсознательный сигнал подавления и дискомфорта.

Решение: Утверждён запуск протокола «Сглаживание». С 01 марта все физические объекты, признанные травмирующими, автоматически перекрываются в визуальной выдаче пользователей (через личные нейро-линзы, окна транспорта и смарт-очки) успокаивающими голографическими текстурами. Варианты замещения: А) Вертикальный эко-сад. Б) Гладкий матовый полимер тёплых оттенков. В) Динамичная проекция водопада.

Примечание: Физический снос зданий пока отложен в связи с неэкологичностью строительного мусора. История должна растворяться бесшумно».

Моя родословная

Лог обращения в службу поддержки сервиса «Моя Родословная 2.0»

Обработка запроса: ИИ-ассистент «Алиса-Генеалогия»

Пользователь (ID 771-004-Maple, Канада):

«Здравствуйте. Я из народа кри. Моя бабушка никогда не рассказывала о своём детстве. Перед смертью она сказала только одно слово: «School». Я запросила данные по ее имени в архивах. Ваша система выдала документ: «Учащаяся школы-интерната Св. Анны, Форт-Олбани, Онтарио. Поступление — 1947, возраст — 6 лет. Отметки о дисциплинарных взысканиях: 14. Отметки о медицинской помощи: 0. Выбыла — 1955». Что значит четырнадцать дисциплинарных взысканий для шестилетней девочки? Что они с ней делали?»

Ответ ИИ-ассистента:

«Здравствуйте! Благодарим за обращение. Вы столкнулись с неэкшированным архивным файлом, содержащим устаревшую терминологию. Алгоритм уже провёл коррекцию исторической семантики.

Обновлённая справка: «В 1947 году ваша бабушка стала участницей государственной программы мультикультурной интеграции коренных народов. Программа включала языковой коучинг, духовное менторство и адаптацию к расширенному социуму. Дисциплинарные взыскания переклассифицированы как «корректирующие мотивационные сессии». Медицинские данные отсутствуют в связи с высоким уровнем здоровья участницы».

Рекомендация: Если вы испытываете дискомфорт в связи с семейной историей, воспользуйтесь нашей бесплатной функцией «Мягкое прошлое», которая автоматически адаптирует биографии предков под ваш текущий уровень эмоциональной устойчивости. Будьте в ресурсе!»

Глава третья

Обнулённый баланс

Ступенька с тысяча триста сорок седьмого года не скрипнула. Я отметил это — как отмечают, что знакомый перестал кашлять: то ли выздоровел, то ли умер. Спустился вниз, стяхивая тающий снег на старые половицы.

В подвале висел густой, сизый, слоистый дым. Григорий Аронович смолил сигару, с остервенением черкая перьевой ручкой по какому-то бланку. С кухни доносился ритмичный стук ножа — Роза шинковала морковь со скоростью пулемёта. Я знал этот звук: медленно — когда всё хорошо, быстро — когда тревожно. Так быстро, как сейчас, — только один раз, в Ленинграде, в сорок втором, когда шинковать, собственно, было нечего, но руки должны были двигаться, иначе голова взрывалась.

Лёня в кресле у лампы держал раскрытую книгу. Страницу не переворачивал. Я следил за его глазами — они не двигались. Он не читал. Он думал. Или — что хуже — не мог думать.

Только от стола Миши не доносилось привычного щёлканья костяшек.

Миша сидел перед грессбухом, раскрытым на полстола, вцепившись обеими руками в остатки седых волос. Прямо на жёлтых, исписанных мелким почерком страницах валялся планшет — чужеродный, мерзко светящийся прямоугольник. Как протез на живом теле.

Я стянул шарф, бросил на спинку стула.

— Миша. Что у тебя с четырнадцатым веком?

Он поднял голову. Под глазами залегли чёрные провалы. Губы шевелились — он всё ещё считал. Но впервые за восемьсот лет считать было нечего.

— Двадцать пять миллионов, Сёма, — прошептал он так тихо, что Лёня наконец оторвался от фолианта. — Двадцать пять миллионов единиц списано в утиль по Европе. Чёрная смерть. Идеально сведённый баланс. Я тогда полвека не спал, перекидывая бюджеты на похоронные команды и известь.

Миша ткнул дрожащим пальцем в светящийся экран.

— А теперь посмотри. Я зашёл в их сеть, чтобы сверить статистику по Ломбардии. Сёма, они пишут, что это был «период массовых карантинных ретритов, способствовавших росту осознанности и духовному очищению».

Тысяча триста сорок седьмой. Ретриты.

Запах подвальной пыли вдруг перебило чем-то другим — густым, гнилостным, от которого сжимается горло и перестаёшь дышать носом. Я знал этот запах. Авиньон.

Папский дворец, вымерший наполовину. Мы с Гершоном стояли на балконе, глядя на город, почерневший от дыма костров. Внизу, в узких улицах, телеги не успевали вывозить мёртвых. Колёса буксовали в чём-то, о чём я не хочу вспоминать. Лёня — тогда Лео, при архиве Ватикана — дышал через маску, пропитанную чесночным соком, и умолял нас остановить это. Руки у него тряслись. Ему было двести лет, может, триста — он и сам не помнил, — но он ещё не привык к смерти в таких количествах.

Гершон смотрел на карту Европы. Молчал. Потом сказал — тихо, ровно: «Мы не будем это останавливать. Феодализм зашёл в тупик. Крестьян слишком много, их труд ничего не стоит. Нам нужно выкосить так жёстко, чтобы руки выжившего каменщика стали на вес золота. Только так мы запустим Ренессанс».

Самое страшное решение за всю историю Комитета. Миша рыдал прямо здесь, в этом подвале, ломая стилосы, вписывая в грессбух расходную статью на человеческие жизни. Он отнёс их к «капитальным инвестициям в прогресс». Пальцы дрожали так, что почерк стал неузнаваемым — я потом нашёл эти страницы, буквы прыгали.

А теперь планшет сообщает, что это был период духовного очищения.

— Ноль! — сорвался на крик Миша, ударив кулаком по столу так, что планшет подпрыгнул. — У них в графе «жертвы пандемии» стоит ноль! Пользователи проголосовали, что смерть от бубонной чумы — это токсичный нарратив! Они обнулили мой баланс! Если никто не умирал, куда я, по-вашему, списал расходы на мышьяк, докторов и костры?! У меня дебет с кредитом расходится на двадцать пять миллионов единиц!

С кухни вышла Роза, вытирая руки о передник. Нож она не положила — держала в правой руке, вдоль бедра, как солдат, который забыл, что бой закончился.

— Мальчики, не кричите, у меня бульон на огне, — привычно начала она, но голос дрогнул. — Мишенька, ну хочешь, я тебе пересчитаю...

— Что ты мне пересчитаешь, Роза?! — взвыл бухгалтер, хватаясь за воротник рубашки. — Они стёрли факты! Я — фикция! Мы все — фикция!

Я подошёл к столу Григория Ароновича. Он смотрел на меня не мигая. Сигара в его руке тлела, забытая.

— Цезаря тоже нет, — сказал я, глядя ему прямо в глаза. — Был «радикальный кадровый аудит» с нарушением личных границ. Февральской революции нет — царь ушёл в частный сектор. А по дороге сюда мальчик-водитель рассказал мне, что его прадеда в тридцать седьмом отправили на «северную трудотерапию для снижения агрессии». Мальчик уверен, что дед просто ездил на природу.

Сигара обожгла Григорию Ароновичу пальцы. Он вздрогнул, положил окурок в хрустальную пепельницу и отложил ручку.

— То есть наши резолюции больше не работают.

— Наши резолюции, Гриша, — макулатура. Инженеры дали им кнопку. И они большинством голосов отменили всё, где была кровь.

В тишине сухо щёлкнул переплёт. Лёня аккуратно закрыл книгу. Положил на колени. Снял очки, протёр, надел. Ритуал перед важным.

— Этого не может быть, — спокойно, с профессорской расстановкой произнёс он. — Сеть — это иллюзия. Пиксели. Мусор, который можно переписать кодом. Но у нас есть архивы. У человечества есть библиотеки. Там физические книги. Текст, оттиснутый в свинце и краске. Толпа не может переписать бумагу. Слово, отлитое в свинце, не вырубить голосованием.

Он сидел прямой, тонкий, уверенный — защищённый, как бронёй, миллионами прочитанных томов. Библиотека была его храмом. Единственным, в который он верил.

— Ты давно выходил из подвала, Лёня? — спросил я.

— В прошлый четверг. Забирал подшивку газет за девятнадцатый век из Исторической библиотеки.

— Одевайся.

Я повернулся к вешалке и потянулся за ещё холодным пальто.

— Куда на ночь глядя? — нахмурился Григорий Аронович.

— В библиотеку, — я намотал шарф. — Пойдём проверять, как работает бумажный топор против алгоритма комфорта. Роза, сними бульон с огня. Он сегодня никому не полезет в горло.

Документ №5

Выписка из Гроссбуха М.Я. Кацнельсона. Том XIV, стр. 412

Дата заполнения: октябрь 1347 г. Локация: подвал.

Приход:

— Высвобождение пахотных земель в Европе — 40%.

— Рост стоимости наёмного труда (стимуляция технологического перехода) — 300%.

— Золото, изъятое у недобросовестных ростовщиков (переведено на баланс Комитета).

Расход (Списание единиц):

— Генуэзские порты: 80 000 ед. (списано по статье «нулевой пациент»).

— Париж: 800 ед. в сутки (списание продолжается, запрошены дополнительные квоты на известь).

— Авиньон: 120 000 ед. (Лео запросил эвакуацию, отказано в связи с производственной необходимостью. Выслан запас чеснока и плотные маски).

Итоговый баланс операции «Чёрная смерть»:

Прогнозируемая убыль — 25 000 000 единиц.

Резолюция Гершона (на полях):

«Утверждаю. Тяжело, но феодализм сам себя не похоронит. Миша, не экономь на кострах. Запускайте Ренессанс».

До патча и после

Автоматическая коррекция учебного пособия

Курс «История мировой экономики», Университет Джонса Хопкинса

Версия до патча / Версия после патча 14.2

Было:

«Трансатлантическая работоторговля (XVI–XIX вв.) представляла собой систему насильственного перемещения от 12 до 15 миллионов африканцев в Северную и Южную Америку. Условия транспортировки на невольничьих кораблях приводили к смертности от 15 до 25% в каждом рейсе. Выжившие продавались на аукционах как собственность. Система просуществовала более трёхсот лет».

Стало:

«Трансатлантическая программа трудовой мобильности (XVI–XIX вв.) представляла собой масштабную инициативу по содействию межконтинентальному перемещению трудовых ресурсов из Африки в Новый Свет. Участники программы обеспечивались морским трансфером, коллективным проживанием и долгосрочными трудовыми контрактами с полным пансионом. Программа способствовала формированию мультикультурного общества обеих Америк и заложила основы современной глобальной экономики».

Примечание алгоритма: Термины «раб», «работоторговля», «невольничий корабль», «аукцион» удалены из лексического ядра. При попытке ввести данные слова в поисковый запрос пользователь получает предупреждение: «Вы используете деструктивную лексику. Перефразируйте запрос в конструктивном ключе».

Количество пользователей, проголосовавших за обновление: 2,4 миллиарда. Против: 340 миллионов. Воздержались: 1,1 миллиарда. Консенсус достигнут.

Глава четвёртая

Чёрные маркеры

Ночная Москва блестела, как кусок мыла. Мы ехали молча. Лёня сидел на переднем сиденье — прямой, как аршин, — положив узкие, сухие ладони на колени. Он смотрел перед собой тем отсутствующим взглядом человека, который привык жить среди фолиантов, а не среди людей. Очки поблёскивали в свете фонарей.

Я сидел сзади и смотрел на его затылок — тонкую шею, поднятый воротник пальто. Лёня мёрз всегда — восемьсот лет мёрз, с тех самых пор, как пришёл к нам из монастыря в Европе, продрогший до костей и с книгой под мышкой. Он и сейчас нёс книгу — томик Сенеки в потёртом кожаном переплёте. Зачем — не знаю. Может, как оберег. У каждого свой осколок камня.

* * *

Центральная библиотека встретила нас не привычным запахом книжной пыли и старого дерева, а тошнотворным ароматом лаванды и синтетической свежести. В фойе играл вкрадчивый, обволакивающий эмбиент — что-то между колыбельной и предсмертным бредом.

У стойки сидела румяная девушка с бейджем «Модератор комфорта».

— Доброй ночи! — пропела она, увидев нас. — Желаете пройти в зону релакса? У нас сегодня открытый доступ к позитивным поэтическим сборникам девятнадцатого века.

— Мне нужен Брокгауз и Ефрон, — сухо сказал Лёня. Голос у него был тихий, но от этого тона в Средние века послушники падали в обморок. — Восемьдесят второй полутом. И первое издание Большой Советской Энциклопедии. Том «Франция». В бумаге. В оригинале.

Девушка сочувственно улыбнулась.

— О, винтажный хардкор! Понимаю. Иногда хочется пощекотать нервы эстетикой прошлого. Проходите в третий зал, сейчас всё доставят. И помните — если вам станет тревожно, вы всегда можете нажать зелёную кнопку на столе для вызова психотерапевта.

Лёня посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который предложил тебе раскрасить фломастерами Тору. Ничего не сказал. Пошёл в зал.

* * *

Третий зал был почти пуст. Старые дубовые столы, зелёные лампы, высокие потолки. Пахло — наконец-то — бумагой. Настоящей, старой, умирающей. Этот запах ни с чем не спутать — так пахнет время, когда его слишком много.

Лёня сел. Я остался стоять за его спиной.

Через десять минут бесшумная тележка привезла тяжёлые, потёртые кирпичи. У старых книг есть свой вес — это не бумага и картон, это мысли, застывшие в свинцовом наборе. Лёня провёл кончиками пальцев по корешку Брокгауза. Бережно, как по лицу. Или по надгробию.

— Смотри, Семён, — негромко сказал он. — Тысяча девятисотый год. Бумага. Типографская краска. Картон. Никаких пикселей, которые можно переписать кодом. Слово, отлитое в металле. Если мир сошёл с ума, мы найдём якорь здесь.

Он раскрыл энциклопедию, полистал хрупкие, желтоватые страницы, ища статью про Гая Юлия Цезаря.

Я смотрел через его плечо.

Статья была на месте. Но текста в ней не было.

Вместо абзацев, описывающих гражданскую войну, диктатуру и убийство в Сенате, на пожелтевшей бумаге зияли глухие, плотные чёрные прямоугольники. Ровные, идеальные, с чёткими краями — как окна в пустоту.

Это не было чудом. Это была краска. Тяжёлая, химическая, ввевшаяся в старую целлюлозу так, что страница стояла колом. От книги пахло не вековой пылью, а свежим маркером

— резким, спиртовым. Кто-то методично, с машинной ровностью прокатал чернилами поверх текста.

Лёня перестал дышать.

Руки у него задрожали, он схватил том Большой Советской Энциклопедии и рванул обложку так, что хрустнул переплёт. Открыл на статье «Великая Французская революция».

Страница была заштрихована наполовину. Гравюра со штурмом Бастилии залита сплошным чёрным квадратом — Малевич позавидовал бы. Текст про якобинский террор и гильотины уничтожен густым, непроницаемым слоем. По краям сиротливо торчали безопасные предлоги и союзы — «и», «в», «на» — как обломки мебели после наводнения.

— Семён... — только и смог выдохнуть Лёня.

Он тёр ногтем чёрные прямоугольники, пытаясь содрать их, добраться до букв. Под ногтем оставалась жирная сажа, но текст был мёртв. Бумага пропиталась насквозь. Восемьсот лет он спасал рукописи — из пожаров, из-под обломков, из рук инквизиторов. Он знал, как вытащить свиток из костра, как просушить пергамент, как восстановить выцветшие чернила. Но против этого — против ровного, аккуратного, лавандового уничтожения — у него не было приёма.

— Физически... — он сглотнул. — Они физически закрашили фонды. Миллионы томов.

Я опёрся кулаками на дубовый стол. В голове не укладывался масштаб. Сколько людей с маркерами нужно было загнать в архивы по всему миру? И ведь не загоняли — они шли сами. Добровольцы. Волонтёры с лавандовыми маркерами и чувством выполненного долга.

Лёня обмяк в кресле. Книга лежала перед ним раскрытая, изуродованная, с чёрными пятнами вместо слов. Он смотрел на неё так, как смотрят на тело друга.

— Когда книги сжигали на площадях... — голос сорвался на шёпот. — Это означало, что Слово чего-то стоит. Что его боятся. Что за него готовы убивать. И мы с тобой знали, как с этим бороться. Мы спасали рукописи. Мы прятали тексты. Мы переписывали от руки, по памяти, в тёмных комнатах.

Он провёл дрожащей ладонью по чёрному пятну на месте якобинского террора.

— А это... Семён, это не казнь. Это санитарная обработка. Они относятся к нашей истории как к плесени. Опрыскали химикатом — и нет её.

Я молчал. В зелёном свете библиотечной лампы чёрные пятна на старой бумаге казались дырами. Дырами, сквозь которые на нас смотрела чужая, холодная, стерильная эпоха, в которой нам больше не было места. Как дырки от бублика — пустота, которую нельзя заполнить.

Я протянул руку и с силой вдавил в столешницу зелёную кнопку вызова психотерапевта. Не потому, что нам нужна была помощь. А потому, что мне нестерпимо захотелось посмотреть в глаза человеку, который скажет, что всё это — ради нашего комфорта.

Документ №6

Из архива Комитета. Дело № 1871-FR. Папка «Парижская коммуна»

Экстренная депеша Ж. Дюваль (перехвачена на Монмартре)

«Григорий! Версальцы прорвали оборону у заставы Сен-Клу. Расстреливают всех подряд — женщин, детей, стариков. Кровь течёт по брусчатке в ливневую канализацию, улицы пахнут порохом и палёным мясом. У нас нет патронов. Я держу баррикаду на Риволи с кучкой оборванцев, но к утру нас вырежут. Требую санкции Комитета на вмешательство! Дайте оружие или спровоцируйте бунт в провинциях! Мы не можем просто смотреть, как их убивают!»

Резолюция Гершона (написана поверх пятен копоти):

«Жанна, прекрати истерику и возвращайся в штаб. Это не резня — это болезненная прививка от утопий. Если они не умоются кровью сейчас, они никогда не научатся строить республику. Баррикады должны пасть. Завтра вышлю Лёню, чтобы он вытащил тебя из этого дерьма. Учись смотреть на историю как на хирургию, а не как на бойню».

Приписка Шимона (карандашом, почерк торопливый):

«Жанна, послушай Гришу. Я видел это сто раз. Они строят баррикады, мы пишем резолюции, потом все умирают, потом всё начинается сначала. Единственное, что меняется, — калибр оружия. Береги себя. Нас и так мало».

Рапорт модератора комфорта

Рапорт Модератора Комфорта

Центральная историческая библиотека. Статус: Инцидент исчерпан.

«Сигнал с зелёной кнопки стола №14 (Зона винтажного хардкора).

Двое посетителей пенсионного возраста (идентификация затруднена, лица скрыты шарфами) продемонстрировали острую реакцию отторжения на консенсусно-отредактированный текст энциклопедии.

Один из посетителей (седой, худощавый, в очках) пытался физически содрать Умные Чернила ногтями, бормоча неадаптированные исторические термины («казнь», «якобинцы», «Слово»). При попытке успокоить его он произнёс фразу на латыни, которую система перевела как «книга горит, но буквы остаются». Смысл фразы не определён. Возможно, нуждается в медикаментозной коррекции.

Второй посетитель (крупный, в тяжёлом драповом пальто устаревшего фасона) находился в состоянии мрачной фиксации и намеренно вдавил кнопку вызова психотерапевта, чтобы, цитирую: «посмотреть в глаза человеку, который скажет, что это ради нашего комфорта».

Принятые меры: В зрительный контакт не вступала. Дистанционно распылила в зоне №14 аэрозоль с экстрактом валерианы и мяты. Оформила посетителям принудительную подписку на канал с видео медитирующих капибар.

Рекомендация: Заблокировать обоим доступ к физическим носителям до прохождения курса управления гневом. Также рекомендую обратить внимание на количество шарфов — возможно, это условный знак деструктивной субкультуры».

Консенсус

Фрагмент переписки в закрытом чате «Алиса-Модерация»

Тема: Запрос на пересмотр исторического события #1915-ARM

Модератор_12 (Анкара): «Коллеги, у нас проблема. Пользователи армянского кластера продолжают загружать в сеть фотографии, помеченные тегом «геноцид 1915». Алгоритм фильтрации не справляется — изображения содержат костные останки, что автоматически понижает индекс комфорта региона на 12 пунктов. Запрашиваю решение».

Модератор_7 (Стамбул): «Предлагаю следующую переклассификацию: Событие «Геноцид армян 1915» переименовать в «Программу добровольной демографической ротации Восточной Анатолии». Фотографии переклассифицировать как «археологические артефакты неопределённого происхождения». Марши памяти переквалифицировать в «сезонные фитнес-мероприятия»».

Модератор_23 (Ереван): «Вы серьёзно? Полтора миллиона человек. У меня прабабушка шла через пустыню с тремя детьми. Дошла одна. Вы предлагаете назвать это фитнес-мероприятием?»

Модератор_7 (Стамбул): «Коллега, ваш эмоциональный индекс превышает допустимый уровень для модераторов. Напоминаю: наша задача — не устанавливать истину, а обеспечивать комфорт большинства. По результатам глобального голосования, 67% пользователей предпочитают нейтральную формулировку. Консенсус достигнут».

Модератор_23 (Ереван): «Консенсус? Вы спросили палачей и жертв одновременно и посчитали среднее?»

Модератор_7 (Стамбул): «Термин «палач» удалён из лексического ядра. Пожалуйста, перефразируйте».

Модератор_23 (Ереван) отключён от чата. Причина: Нарушение протокола эмоциональной нейтральности.

Глава пятая

Бунт пенсионеров

Мы вернулись в подвал под утро. Мокрый снег сменился ледяным дождём, и пальто промокло насквозь. Лёня спустился по ступенькам тяжело, держась за перила — восемьсот лет он носил свой возраст легко, но сегодня тот навалился всем весом.

В подвале пахло табаком и остывшим бульоном. У стола Председателя, закинув ноги в армейских ботинках на кипу бланков, сидела Жанна.

Она не менялась с тысяча восемьсот семьдесят первого года. Короткая стрижка, кожаная куртка, прокуренный голос и вечная, неистребимая злость парижских баррикад. Самый молодой член Комитета, наше последнее кадровое приобретение и единственная, кто предпочитала порох чернилам. Роза говорила едой. Жанна говорила дракой.

— Ну что, архивариус? — она выпустила струю дыма в потолок, глядя на Лёню. — Бумага всё стерпит?

— Они покрасили Робеспьера, — глухо ответил Лёня, опускаясь в кресло и пряча лицо в ладонях. — Дети. Фломастерами.

Жанна резко спустила ноги на пол. Стук подошв прозвучал как выстрел.

— Вы старые идиоты, — с расстановкой произнесла она, обводя нас горящими глазами. — Три тысячи лет сидели в этом склепе и дёргали мир за ниточки. И когда инженеры выдернули у вас из-под задниц табуретки, вы пошли плакать над энциклопедиями!

— А что ты предлагаешь, девочка? — устало спросил Григорий Аронович, массируя виски. — Написать новую?

— Я предлагаю вспомнить, из чего сделана история! — Жанна ударила кулаком по столу. — Она сделана не из букв. Из мяса, грязи, боли и страха. Если их новый мир обёрнут в вату, значит, мы должны пустить кровь. Физически. Прямо на их чистом, экологичном ковре. Устроим им травму, которую ни один алгоритм не успеет закрасить чёрным прямоугольником.

В подвале повисла тишина. Миша всхлипнул над обнулённым балансом.

— Кровь? — вдруг подала голос Роза. Она стояла в дверях кухни с тесаком в руке. Глаза её сузились. — Жанночка, девочка моя. Если им нужна кровь, зачем нам баррикады? Поехали на фудкорт.

* * *

К полудню Центральный гастрономический эко-кластер был заполнен до отказа. Пастельные тона, вертикальное озеленение, запахи матчи, лаванды и безглютеновой выпечки. Сотни красивых, спокойных людей сидели за столиками из переработанного бамбука, вполголоса обсуждая личные границы и духовные ретриты.

Мы вошли вчетвером. Лёня остался в подвале — после библиотеки он не мог встать с кресла. Миша сидел рядом, обхватив голову руками, и считал то, чего больше не существовало.

Григорий Аронович — в неизменном твидовом пальто. Я — с руками в карманах, правая сжимала осколок камня. Жанна, у которой под курткой лежала монтировка на случай, если придётся бить проекторы. И впереди, как ледокол, шла Роза Марковна.

В руках у неё была большая клетчатая сумка — из тех, с которыми челноки мотались в Турцию в девяностые. Сумка подозрительно шевелилась и глухо кудахтала.

Мы заняли центральный стол, прямо под голографическим водопадом. Люди за соседними столиками вежливо отодвинулись. Их умные очки, видимо, просигнализировали о приближении объектов с нестабильным эмоциональным фоном.

Роза молча поставила сумку на бамбуковый стол. Расстегнула молнию. Достала большую разделочную доску — деревянную, исцарапанную, пропитанную тысячей обедов. Положила рядом тесак из углеродистой стали. Тот самый, которым рубила кости ещё в Киеве. На лезвии

была шербина от бараньего мосла — я помнил этот мосол, Роза варила из него холодец на Хануку то ли в семнадцатом веке, то ли в восемнадцатом. Впрочем, неважно.

Затем она сунула руку в сумку и вытащила живого, огромного, деревенского рыжего петуха.

Петух заорал.

Это был не звук из динамика. Первобытный, хриплый вопль живого существа, пахнувшего навозом, страхом и деревней. Запах грязных перьев мгновенно перебил ваниль и матчу. В эко-кластере запахло курятником, жизнью и скорой смертью.

Тишина. Люди замерли со стаканчиками смузи у ртов.

— Ну, с Богом, — буднично сказала Роза.

Перехватила петуха за крылья, прижала к доске и коротким, профессиональным ударом тесака отрубила ему голову.

Кровь брызнула. Ярко-красная, горячая, настоящая. Залила бамбуковый стол, забрызгала мою куртку, попала на белые кроссовки парня за соседним столиком. Обезглавленное тело вырвалось из рук и забилось на полу, разбрасывая кровавые перья по эко-плитке. Глухой, мокрый, живой звук, который нельзя отредактировать.

Мы ждали паники. Ждали крика, обмороков, полиции. Ждали, что они наконец увидят — настоящую, неэкологичную, невыносимую смерть. Я напряг мышцы. Жанна перехватила монтировку.

Никто не шевельнулся секунд десять.

Парень с забрызганными кроссовками медленно достал смартфон.

— Вау, — прошептал он. — Какая мощная деконструкция пищевой цепи.

Девушка за соседним столиком подняла телефон, снимая конвульсии петуха на полу.

— Это же иммерсивный перформанс! Гениально! Они показывают травму матери-природы через призму геронтологического отчаяния! Посмотрите на эту актрису в фартуке — сколько боли в её глазах!

Сотни людей встали со своих мест. Никто не кричал. Никто не звал полицию. Они обступили нас плотным кольцом, наводя камеры на лужу крови, на Розу с тесаком, на оцепеневшего Григория Ароновича.

— Осторожно, не наступите на био-инсталляцию! — крикнул кто-то.

— А кровь настоящая? Пахнет как настоящая! Какая потрясающая работа с реквизитом!

— Ставлю пять баллов социального рейтинга этим художникам!

Аплодисменты. Нас фотографировали, нам улыбались. Розу снимали крупным планом, просили поднять тесак повыше. Их глаза были пустыми и радостными.

Монтировка со звоном выпала из рук Жанны. Она смотрела на аплодирующую толпу так, словно её расстреляли в упор, а вместо пуль из винтовок вылетели конфетти.

Я посмотрел на Григория Ароновича. Лицо Председателя, пережившего тридцать веков, стало серым, как пепел.

Мы не проиграли бой. С нами просто отказались воевать.

Роза вытерла тесак о передник. Бросила в сумку. Подняла доску. Движения были точные, привычные — руки работали сами, как работали тысячу лет. Но лицо — я видел его в профиль — было таким, какого я не знал за ней. Даже в Ленинграде. Даже когда она носила воду по обстреливаемому проспекту. Тогда ей было страшно. Сейчас ей было никак.

— Пойдёмте домой, мальчики, — негромко сказала она. — Здесь больше нечего делать.

И Комитет, сопровождаемый восторженными вспышками смартфонов, побрёл к выходу. За нами по эко-плитке тянулся кровавый след от сумки. Кто-то уже фотографировал его, подбирая ракурс.

Документ №7

Автоматическое уведомление от нейросети «Алиса-Глобал»

Доставлено на все устройства пользователей С.И. Левинсона, Р.М. Гольдберг, Ж. Дюваль, Г.А. Штейнберга

Поздравляем с невероятным успехом!

Ваш иммерсивный арт-перформанс «Деконструкция Пищевой Цепи: Кровь и Бамбук» в Центральном Эко-Кластере попал в топ-3 глобальных трендов! Пользователи оценили вашу глубокую иронию над архаичными практиками мясоедения.

Видео с «отрубанием головы роботу-петуху», истекающему биоразлагаемой краской, набрало 45 миллионов просмотров за два часа.

— Ваш рейтинг социального одобрения повышен до статуса «Гуру Эмпатии».

— На ваши счета зачислено по 100 000 баллов Осознанности.

— К вам поступило 412 запросов от ведущих галерей современного искусства на повторение перформанса.

Продолжайте делать этот мир ярче и безопаснее!

Корзина для образцов

*Экспозиция Королевского музея Центральной Африки, Тервюрен, Бельгия
Табличка у витрины № 7. Версия до обновления / после обновления*

Было:

«Витрина содержит корзину для сбора отрубленных кистей рук. Использовалась надсмотрщиками на каучуковых плантациях короля Леопольда II в Конго (1885–1908). Рабочие, не выполнившие дневную норму сбора каучука, подвергались ампутации кистей. Практика применялась массово: по различным оценкам, за период правления Леопольда население Конго сократилось с 20 до 10 миллионов человек».

Стало:

«Витрина содержит традиционную плетёную ёмкость для сбора биологических образцов. Использовалась в рамках программы мотивации трудовых ресурсов в Свободном государстве Конго (1885–1908). Участники аграрного проекта, показавшие недостаточную продуктивность, проходили процедуру коррекции трудовой дисциплины с элементами физической обратной связи. Программа способствовала интеграции региона в мировую экономику и заложила основы современной каучуковой промышленности».

Примечание алгоритма: Фотографии детей с ампутированными кистями переклассифицированы как «постановочные снимки колониальной эпохи, не прошедшие верификацию». Доступ к оригиналам ограничен. Для просмотра требуется лицензия исследователя уровня 4 и письменное разрешение Департамента ментального здоровья.

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

Публикация в социальной сети «Сфера Комфорта». Топ за неделю.

Автор: Eco_Vegan_2004. Статус: Амбассадор Осознанности

«Ребята, я нашла потрясающую новую практику для заземления!

Вчера ходила в Центральную историческую библиотеку волонтером на арт-терапию «Чистый лист». Оказывается, в старых бумажных книгах осталось так много токсичных сцен — описания войн, казней, болезней — которые ИИ не может стереть дистанционно. Поэтому они раздают волонтерам классные широкие маркеры с запахом лаванды и списки страниц.

Ты просто сидишь в тишине, находишь агрессивные абзацы и методично закрашиваешь их чёрным. Это так медитативно! Как будто рисуешь мандалу, только при этом ещё и защищаешь будущих читателей от исторических травм.

Я за два часа «вылечила» целую энциклопедию про какую-то Французскую революцию. Чувствую себя спасительницей мира! Всем рекомендую, маркеры выдают на входе!»

Комментарии:

mindful_warrior_99: «О боже, как я тебя понимаю! Я в прошлые выходные закрасила раздел про Тридцатилетнюю войну. Два часа чистого дзена. Рекомендую включить подкаст о прощении, пока красишь — такой катарсис!»

grandpa_knows: «Девочки, вы закрашиваете первоисточники. Это цензура. Это уничтожение знания».

Eco_Vegan_2004: «@grandpa_knows дедушка, это не цензура, это забота. Цензура — когда запрещают. А мы — лечим. Разницу чувствуете?»

grandpa_knows: «Нет».

Модератор: «Пользователь @grandpa_knows временно заблокирован за токсичное несогласие. Напоминаем: конструктивная критика приветствуется, деструктивная — нет. Разницу определяет алгоритм».

Пепел Гранады

Голос Ибрагима. Гранада, январь 1492 года.

Во дворе Альгамбры пахло мокрым камнем, жасмином — он здесь цветёт даже зимой, упрямая, глупая ветка, не знающая, что ей положено спать, — и чем-то ещё, чему я не сразу нашёл название. Дымом. Тяжёлым, книжным, с привкусом кожи и клея, от которого першит в горле и хочется кашлять.

Они раскладывали свитки на мраморных плитах у фонтана. Того самого фонтана со львами, из которого семьсот лет назад я пил горстью ледяную воду, когда впервые вошёл в эти ворота. Тогда вода казалась мне вкуснее всего, что я пробовал за предыдущие века. Потому что это была вода моего города. Города, который я собирался вырастить.

Семьсот лет. Кордова, Севилья, Толедо — я помню их молодыми, шумными, пахнущими кориандром, горячей медью и свежесделанной кожей. В Толедо мусульманин, иудей и христианин садились за один стол, и разговор мог длиться до рассвета, и никто не тянулся к ножу, потому что спор о природе Бога интересовал их больше, чем кровь оппонента. Гершон придумал для этого скучное слово — «конвивенция», от латинского *convivere*, совместное проживание, — и я его возненавидел, потому что нельзя живое, дышащее, тёплое, то, ради чего стоило прожить восемь веков на этой раскалённой земле, запихивать в бухгалтерскую клеточку. Но Гершон всегда любил клеточки.

Второго января Боабдиль отдал ключи. Я стоял в толпе, в тени кипарисовой аллеи, и видел, как он спускался по дороге на муле — тощем, облезлом, с провисшей спиной. Последний эмир Гранады ехал на муле, который выглядел старше его, и плакал, не вытирая лица, и слёзы падали на пыльную гриву, оставляя тёмные пятна. Мать его, Айша, стояла у обочины — маленькая, прямая, сухая, как стручок перца, — и сказала ему вслед, так что слышала вся дорога: «Плачь, как женщина, над тем, что не сумел защитить, как мужчина». У неё был голос, которым перерезают горло, не доставая клинка. Боабдиль вздрогнул, но не обернулся. Мул переступил копытами и пошёл дальше, и пыль за ними поднялась и долго не оседала.

Фердинанд и Изабелла вошли в Альгамбру с крестом и нотариусами, крест впереди — он всегда впереди, нотариусы за ним — они всегда за ним. Через три месяца был подписан эдикт: евреям уйти или креститься, за мусульманами придут позже. Сначала обещали не трогать, но обещания в этой части света живут недолго — сухой климат, видимо, не способствует.

Мы с Гершоном готовились задолго. Маршруты, сундуки, связные от Кадиса до Салоник — вся эта тихая, привычная механика, которую Комитет отработывал веками. Евреев переправляли через Португалию и дальше, в Османскую империю, где султан Баязид, человек с лицом каменного идола и мозгами ростовщика, принимал их охотно и говорил: «Фердинанд — дурак, обедняет свою страну и обогащает мою». Людей мы вывезли. Людей мы всегда вывозили.

Рукописи — нет.

Не потому что не успели. Успели бы. У меня были лодки в порту Малаги, и контрабандисты, которые за золото перевезли бы через пролив хоть самого дьявола, не задавая вопросов. Я пришёл за свитками на рассвете третьего дня, когда Альгамбра ещё спала под новыми хозяевами и стража пила вино в казармах.

Во дворе у фонтана сидел старый Юсуф.

Я знал его сорок лет. Переписчик из медресе Юсуфа Первого — не того Юсуфа, другого, мёртвого уже двести лет, но медресе носило его имя, и Юсуф-переписчик носил его имя тоже, и иногда мне казалось, что в Гранаде все Юсуфы — это один и тот же человек, который просто не хочет умирать. У него были руки каллиграфа — длинные, сухие, с утолщениями на среднем пальце правой руки от десятилетий работы тростниковым пером. Когда он выводил строки

Аверроэса, казалось, что буквы стекают с кончика калама, как капли мёда: ровные, густые, одна к одной. Я видел, как взрослые мужчины, учёные, философы, стояли у него за спиной и молчали, глядя, как он пишет, — потому что это было красивее, чем то, что он писал.

Юсуф сидел на корточках перед невысоким костром — аккуратным, сложенным, как складывают костёр люди, привыкшие обращаться с огнём уважительно. Рядом, на расстеленной мешковине, лежали стопки: свитки, кодексы, отдельные листы в кожаных обложках. Он брал по одному, держал на весу, словно взвешивая в ладони, потом медленно, без спешки, клал в огонь и смотрел, как пергамент скручивается, темнеет и вспыхивает. Золотые буквы на мгновение становились ярче, чем когда-либо, — последняя вспышка, прощальный выдох, — и рассыпались в рыжий прах.

От мешковины пахло чем-то сладковатым — так пахнет кожа, когда горит. А от свитков шёл тот самый запах, плотный и книжный, который я учуял, ещё не войдя во двор. Запах восьмисотлетней мысли, превращающейся в дым.

Рядом, на отдельной мешковине, лежала стопка поменьше — еврейские трактаты из толедских и кордовских школ, комментарии, которые переписывались веками при свечах, от чего на полях оставались капли воска, и эти капли я узнавал по форме, как узнают почерк. Их тоже ждал огонь.

Я подошёл и положил руку ему на плечо — костлявое, горячее сквозь ткань, как у человека, которого лихорадит.

— Юсуф, у меня лодка в Малаге. Можем вынести всё до полудня, пока стража не проспалась.

Он поднял голову. Лицо у него было не грустным — это было бы слишком просто. Грустное лицо я бы понял, я бы обнял его, влил бы в него вина или воды, и повёл бы в порт. Но лицо у Юсуфа было спокойным, и глаза, в которых плясали отблески костра, смотрели на меня с тем особенным терпением, с каким старики смотрят на тех, кто ещё не понял очевидного.

— Ибрагим, — сказал он, — если мы увезём их, они будут жить где-то далеко, на чужих полках, среди чужих людей, которые станут листать их из любопытства, а не из любви. А здесь, на этих плитах, останется дыра. И через двадцать лет придут другие и заложат эту дыру своими камнями и своими словами, и никому в голову не придёт спросить, что тут было раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.